

Наступил второй день фестиваля культуры, и хотели мы того или нет, он же был и заключительным. Присутствует ли владелец дневника на фестивале культуры, следит ли он за нами? Я не мог этого сказать.

Лучшее, что мы могли сделать - продолжать действовать, пока владелец не придет поговорить с нами. С этими мыслями мы с Аоцуки-сан старались, как могли... И вот, наконец...

— ...Финальное представление закончилось.

— ...Ага.

Мы закрыли занавес, одновременно с раздавшимися в зале радостные возгласами и аплодисментами. Наверное, никогда в жизни я не чувствовал себя настолько удовлетворенным. У меня было такое ощущение, что у нас все получилось. Хотя, если владельца дневника не удастся найти, значит, все было напрасно...

— Может, наш план по поиску владельца дневника все-таки оказался напрасным...

Хотя, Аоцуки-сан, так же как и я, чувствовала удовлетворение от проделанной работы, она криво улыбнулась.

— Но, мы сделали все, что могли. И, кстати...

— ...?

— Даже если мы не сможем снять это проклятье, ты все равно мне нравишься, несмотря ни на что, Аоцуки-сан.

— Что...!?

Её лицо мгновенно стало свекольно-красным. Если она будет продолжать показывать мне такую реакцию, то я и сам приду в замешательство.

— Почему ты так говоришь...!?

— Что значит почему... я ведь сказал, что буду более честным, по отношению к вещам, которые мне нравятся...

— Но вот так, ни с того ни с сего...

Видя ее покрасневшее лицо, я в очередной раз убедился, насколько она очаровательна, и это заставило меня улыбнуться.

— Эй, Аоцуки-сан.

— Ч-что?

— Тебе было весело?

Все это время, мы вместе были заняты приготовлениями, вместе преодолели некоторые неприятности. У нас даже не было времени посетить другие классы. Но теперь, когда все закончилось, мне показалось, что то, что мы сделали, принесло достаточное количество удовлетворения. Она несколько раз растерянно моргнула, но потом с улыбкой кивнула. Между

нами воцарилась спокойная атмосфера...

— Эм...

— Воу!?

В этот момент, занавески играющие роль занавеса раздвинулись, и некто просунул между ними голову.

— Простите, я хотела бы кое-что спросить...

— Ах, Шизуку-сан?

Значит, она была здесь. Я не обращал внимания на зрителей в зале, потому, что был сосредоточен на спектакле.

— Да, давно не виделись.

— Вы ищете Га... Масудзу-сан?

— Нет, эм... — начала Шизуку-сан, немного нервничая. — Могу ли я встретиться с человеком, который написал сценарий для пьесы...?

— Это я... — Аоцуки подняла руку.

В одно мгновение в глазах Шизуку-сан отразился шок, но также и другие сильные эмоции.

— Так ты... знаешь Шелл?

— ... !

Я почувствовал, как мое сердце заколотилось.

Аоцуки-сан прижала руку к груди, чтобы подавить волнение и радость, и достала дневник.

— Итак, записи в этом дневнике...

— Да... они мои...

Серьезно? Такие совпадения случаются в реальности? Думаю, одними молитвами, чуда не произойдет. Однако, даже без магии, мы сотворили его сами.

— Пожалуйста, можете сходить кое-куда с нами?

▼▼▼

— Шелл. Ведьма Шелл, ты ведь здесь, верно? Покажись.

На вершине холма, где предположительно жила Шелл, я позвал ее по имени. Ни Аоцуки-сан, ни Шизуку-сан со мной не было. Ради плана, который я придумал ранее, я заставил их немного подождать.

— Я люблю Шизуку-сан, — начал лгать я. — Я признался ей, но, поскольку, она была слишком шокирована, услышав, что ее ненавидят, она больше никому не верит. Вот почему, она не хочет принять мои чувства. Шелл, это твоя вина. Все потому, что ты взяла и оттолкнула ее. И

если всё закончится вот так, никто не станет счастливым.

Шелл не хотела показываться мне на глаза. А есть ли она вообще, интересно? Не то чтобы, я не волновался, но я не мог проявить слабость. Даже не получив ответа, я продолжил говорить. Шелл не видна обычному человеку, но с помощью магии она должна быть в состоянии показать себя. Если Шелл все еще испытывает чувства к Шизуку-сан и хочет, чтобы она была счастлива, то она проявит себя. Я хотел в это верить.

— Достаточно одного раза, не могла бы ты, пожалуйста, встретиться с ней?

По-прежнему никакого ответа. Я собрал все силы в кулак и продолжил.

— Она живет своей жизнью, морально надломленная. Это твоё желание? Думаешь, Шизуку-сан счастлива в таком состоянии?

... Внезапно мимо меня словно пронёсся ветерок. Я моргнул и, за это короткое мгновение, передо мной кто-то появился. Это была девушка в шляпе с высоким верхом, в длинном халате и с красивыми светлыми волосами. Она была не очень высокой, но по ее холодным глазам чувствовалось, что она взрослая.

— ...Так ты... Шелл.

— Да, это так.

Это была ведьма, которая так долго пряталась от Аоцуки-сан и Шизуку-сан. Столкнувшись с ней вот так, она казалась человеком, но в то же время, от нее ощущалась какая-то необычная атмосфера. Это ошеломляло.

— Ты не против пойти со мной?

— ...Прямо сейчас?

— Чем раньше, тем лучше, так ведь? Идем.

Я не дал ей ни секунды на раздумья и повел вниз по склону. Всю дорогу я был в напряжении, но мы медленно приближались к месту, куда я стремился.

— ...Шизуку все еще расстроена тем, что я сделала?

Пока мы шли, задала мне вопрос Шелл.

— Конечно. Она дорожила тобой больше, чем кем-либо другим, только для того, чтобы внезапно узнать, что ты ненавидишь ее... Как ее могло не расстроить подобное одностороннее прощание?

— — Шелл молчала.

Больше не говоря ни слова, мы продолжили идти вперед. Постепенно, мы приблизились к месту назначения, и мое сердце забилося быстрее. Оставалось совсем немного.

— ...Ты обещаешь сделать Шизуку счастливой? — спросила Шелл.

— Нет.

— ...Что?

Я не тот человек, который сделает ее счастливой, Шелл.

— ... Шелл!

Раздался голос, который звучал так, словно говоривший ждал этого момента много лет. С этими словами, Шизуку попыталась обнять Шелл сзади...

— ...!?"

Но от этих объятий уклонились. План, к сожалению, провалился, но, по крайней мере, дистанция между ними теперь была намного меньше. Теперь нам предстояла битва за то, чтобы тронуть сердце Шелл...

— Чт... что вы замыслили!? — Шелл была явно застигнута врасплох, поэтому мы с Шизуку решили объяснить правду.

Аоцуки-сан тоже появилась из тени дерева, наблюдая за нами.

— То, что я сказал, что влюблен в Шизуку-сан, это неправда.

— Мне жаль, что мы обманули тебя. Но мне нужно было встретиться с тобой, несмотря ни на что, Шелл. — Шизуку посмотрела на Шелл и продолжила свои слова с бесконечно страдающим видом. — Шелл, даже сейчас я...

Однако, Шелл отвернулась и от этих слов, и от чувств Шизуку-сан, и попыталась убежать.

— Не убегай!

В это мгновение, я потянулся к руке Шелл и, сразу же, услышал шипящий звук. Было такое чувство, что моя рука, коснувшаяся Шелл, касалась раскаленного железа.

“Людам опасно прикасаться ко мне”.

“Запрещено испытывать чувства XXXXX по отношению к людям. Именно поэтому, если это не особенный исключительный случай, если человек прикасается к ведьме, его кожа начинает нагреваться и гореть”.

Так было написано в дневнике Шизуку-сан и так было в воспоминаниях из прошлого Аоцуки-сан... Да, это было определенно опасно. Одно только прикосновение к ее руке, заставило мое сердце гореть, словно в аду. Это было, действительно, чертовски больно. Но я не мог позволить себе отпустить ее руку. Конечно, я хотел, чтобы проклятие, наложенное на Аоцуки-сан, было снято, в этом нет никаких сомнений. Но, более того... Если бы я отпустил ее руку сейчас, никто не был бы счастлив.

— Я понимаю, правда понимаю. Вернее, на самом деле, я понимаю, что тебя, должно быть, жутко раздражает, что я веду себя, как всезнайка. Ты, должно быть, боишься причинить боль другим так же, как и самой боли. Я и сам, тоже, боялся получить чувство привязанности от кого-то другого. Я думал, что все это просто воображение, иллюзия. Просто потому, что... так мне было жить легче. Вместо того, чтобы посмотреть в лицо другому человеку, я предпочитал жить дальше, без страданий.

По сути, я пытался убедить ее. Однако, многое из того что я говорил, я говорил и себе.

Немного успокоившись, я осознал, насколько же мне было больно. Жар причинял мне боль, от нее, у меня возникало ощущение, что моя голова, буквально, закипает, до такой степени, что я не мог ясно мыслить. Но, сказать немного неловких вещей ведь не возбраняется, верно? В конце концов, слова и существуют для того, чтобы передавать свои чувства.

— Но, если ты продолжишь отрицать чувства Шизуку-сан, говоря ей, чтобы она перестала тебе доверять, в конце концов, это просто причинит ей боль. — Я отчаянно пытался донести свои мысли.

Я чувствовал, что мои руки вот-вот полностью сгорят. Моя решимость не отпустить, медленно начала колебаться, моя хватка ослабла. Внезапно, рядом со мной появилась другая рука и схватила Шелл за запястье.

— Аоцуки-сан!?

Она издавала болезненные стоны, но не отпустила это запястье.

— Что ты делаешь? Разве тебе не больно!

— Это действительно больно... Но я решила сделать все, что в моих силах. Я хочу, чтобы это проклятие исчезло, и, в то же время, не могу просто игнорировать всю эту ситуацию с Шизуку-сан. Не говоря уже о том, что... ты делал все это, а я просто наблюдала со стороны, как я могла! — объяснила она, пытаясь подавить боль.

— Шелл... Если у тебя есть чувства к Шизуку-сан, то тебе нужно честно признаться в них. Ведь, на самом деле, ты сожалеешь о том, что сказала раньше. Я всегда старалась не связываться с другими людьми, говорила себе, что мне не позволено испытывать к ним теплые чувства, закрывала глаза на все, что не имело ко мне отношения. Но, после того, как я провела столько времени с Яфуне-куном, я, наконец, поняла. У каждого есть важные чувства... чувства, которые нельзя и не следует игнорировать...!

— Прекрати! Я не хочу слышать эту никчемную болтовню! — Шелл помотала головой влево и вправо, отрицая слова Аоцуки-сан.

Я думал, она просто упрямая, но... теперь я понял. Она пережила болезненные воспоминания. Ей было больно. Изображая главную героиню трагедии, она даже не пыталась оглядеться по сторонам. Заткнув уши, она пыталась заглушить все звуки. Вот почему я тоже открыл рот.

— Шелл, ты пытаешься защитить себя, используя Шизуку-сан в качестве оправдания, верно? Конечно, это не так уж плохо. Я делал то же самое... Но. — Именно потому, что я понимал ее чувства, я догадывался, о чем она думает в глубине души. — Ты ни за что не сможешь это принять, верно? У тебя все еще остались чувства, о которых ты хочешь ей рассказать, не так ли?

Нежелание нравиться, решение не доверять этим чувствам - это не более чем просто оправдания, чтобы не пострадать в процессе. Это истинные чувства, чувства которые сдерживаются. И, поэтому, боли не избежать.

— Ты пряталась, никак себя не проявляла, но в ту секунду, когда я привел довод о том, что Шизуку-сан никогда не будет счастлива, именно в этот момент ты появилась! Ты даже спросила меня, смогу ли я сделать Шизуку-сан счастливой! Ты хочешь, чтобы она была счастлива! Так почему же именно ты не хочешь быть той, кто сделает ее счастливой!? — Я начал кричать во всю глотку.

Из-за боли и стыда я безостановочно потел. В этот момент Шелл повернулась и посмотрела на меня и Аоцуки-сан. В ее глазах царил боль и мука.

— ...Верно, Шелл.

... Она повернулась и посмотрела на Шизуку-сан.

— Не убегай...Пожалуйста, поверь моим чувствам.

И Шизуку обняла Шелл сзади.

— Шизуку!? ...Разве тебе не жарко!?

— Нет, совсем нет.

Всякий раз, когда человек прикасается к ведьме, его кожа начинает гореть. Однако есть одно исключение.

— Эй, Шелл. Это достаточное доказательство моих чувств к тебе?

Шелл говорила Аоцуки-сан, что людям не разрешается прикасаться к ведьмам, потому что они могут превратить их в магические инструменты. Вот почему было единственное исключение — если этот человек любит ведьму от всего сердца. Любые другие чувства были запрещены. Однако, если это была настоящая любовь, то прикоснуться было можно. Хотя, проверить это на практике было рискованно. Тем не менее, когда я спросил Шизуку-сан, действительно ли мы будем это делать, она не проявила никаких колебаний и сказала “Конечно” с сияющей улыбкой.

Не боясь, что это причинит ей боль, она обняла Шелл. И, в отличие от меня, она ни в малейшей степени не страдала. Это заставило Шелл посмотреть на нее и на нас в замешательстве. Должно быть, она испугалась прикосновений Шизуку. Если бы чувства Шизуку-сан не были искренними, это причинило бы боль и ей, и Шелл. Вот почему она решила ничего не проверять. Но именно поэтому, ни Шелл, ни Шизуку и не добились никакого прогресса.

— Шелл... Ты мне нравишься... Я... люблю тебя.

Эти двое, должно быть, так долго страдали. Но теперь все должно быть хорошо. С этими мыслями и я, и Аоцуки-сан отпустили руку Шелл.

— Шелл, ты говорила, что мои чувства к тебе, фальшивы. — сказав это Шизуку-сан начала плакать. — Но я всегда любила тебя.

Словно в ответ на это, Шелл тоже заплакала.

— Я всегда... всегда хотела встретиться с тобой снова.

—

Она может быть выглядит и молодо, но, бьюсь об заклад, она прожила дольше, чем я могу себе представить, прожила в одиночестве. Она неуклюжая, нечестная и странная ведьма. Ее руки дрожали, паря в воздухе, словно она не знала, за что схватиться.

— ...Я... тоже...

Однако ее руки медленно обвили вокруг спины Шизуку-сан. С ее губ сорвались слова, которые она никогда не могла произнести в прошлом — слова, которые она всегда хотела сказать.

— Правда в том, что...Я вовсе не ненавижу тебя, Шизуку...Ты мне нравишься. — Шелл крепко обняла Шизуку-сан. — Я... люблю тебя, Шизуку...!

Они оба плакали, и их слезы падали на землю, словно падающие звезды на ночном небосклоне. Они плакали, но... несмотря на это, я, наверное, никогда не видел, чтобы люди так сильно плакали от счастья, как эти двое.

Прим. Акаги: У нас тут немного юри. Но, надеюсь, что тут всё-таки платоническая любовь.

<http://tl.rulate.ru/book/56421/3653133>